

интуитивном уровне, что происходит при комбинации этих средств в конкретной среде – при соприкосновении потребителя, пользователя, любого заинтересованного лица с этим объектом, пространством или информацией. Иными словами, дизайнеры должны понимать саму природу человеческой души; они – не просто специалисты в своем деле, они – психологи, социологи и антропологи...» [8, с. 91]. А это значит, что исследования в дизайне, одежды в частности, переместились из плоскости гуманитарных наук в плоскость социальных, психологических, экономических, маркетинговых и других сфер человеческого познания.

Библиографический список

1. *Пригодницька А. А.* Естетосфера сучасного дизайну: автореф. дис. ...к.ф.н. : 02.00.04 / А. А. Пригорницька. – Київ: КНУ ім. Т. Г. Шевченка, 2005. 16 с.
2. Fashion-бизнес: теория, практика, феномен / под ред. Николы Уайт и Йена Триффитса; пер. с англ. А. Н. Поплавская; науч. ред. А. В. Попова. Минск: Гревцов Паблішер, 2008. 272 с.
3. *Кавамура, Ю.* Теория и практика создания моды / Юний Кавамура; пер. с англ. А. Н. Поплавская; науч. ред. А. В. Лейбсак-Клейманс. Минск: Гревцов Паблішер, 2009. 192 с.
4. *Козлова, Т.В.* Стиль в костюме XX века: Учебное пособие для ВУЗов / Т. В. Козлова, Е. В. Ильичева. – М.: МГТУ им. А. Н. Косыгина, 2003. 160 с.
5. *Лагода, О.М.* Художньо-образні особливості костюма в дизайні одягу кінця XX – початку XXI століття: дис. ... канд. мистецтвознавства: 17.00.07 / Лагода Оксана Миколаївна. – Харків: ХДАДМ, 2007. 183 с. : іл.
6. *Кондратьева, К. А.* Дизайн и экология культуры / К. А. Кондратьева. М.: МГХПУ им. С. Г. Строганова, 2000. 105 с.
7. *Вайнштейн, О.* Конспекты с конференции / О. Вайнштейн // Теория моды: Одежда. Тело. Культура; Новое литературное обозрение. – Осень (№ 5), 2007. С.250-263.
8. *Пресс, М.* Власть дизайна: Ключ к сердцу потребителя / Майк Пресс, Рейчел Бунер; пер. с англ. А. Н. Поплавская; науч. ред. Б. П. Буландо. Минск: Гревцов Паблішер, 2008. 352 с.

А.В.Литвинов

М.К. Мамардашвили об эстетике мышления

Проблема мышления чрезвычайно широка и многогранна. Она имеет разнообразные аспекты, часть из которых является традиционной, а другие возникли сравнительно недавно.

Формы и законы мышления изучаются логикой, механизмы его протекания психологией и нейрофизиологией. Кибернетика анализирует

мышление в связи с задачами моделирования некоторых мыслительных функций.

В сфере философского знания определение сущности феномена мышления рассматривается как основополагающий фактор, отражающий сущность всего духовного бытия человека. В отличие от других гуманитарных наук философия рассматривает мышление как процесс, связующий материальный и духовные аспекты бытия. Причем, первичным в таком восприятии принято считать именно духовный аспект. Из этого следует, что проблема мышления является ключевой в определении человеком своего места в мире.

В своих трудах Мераб Мамардашвили, грузинский мыслитель, утверждал, что мысль не выводима из природных процессов: «Нет никакой натуральной причины, природной последовательности событий, которая порождает бы в человеке мысль», – писал он [1, с. 82]. Но не стоит слишком буквально воспринимать высказывание этого философа, придерживающегося постклассических взглядов на мир. Смысл этого изречения можно понять через другое его высказывание: «Я думаю, стоит: иногда нам действительно ничего не остается, кроме ожидания светлой радости мысли» [1, с. 9]. То есть мыслитель хотел лишь передать нам то, что мы не можем заставить себя мыслить, мы лишь можем путем определенных актов почувствовать, что это с нами происходит. Происходит потому, что мы на верном пути, пути познания, пути истины, пути, дарующем познающим чувство необратимой исполненности смысла. «Именно к этому приложимо слово «эстетика», поскольку оно обязательно предполагает нечто чувственное. Эстетика ведь тоже неотделима от сенсуального, чувственного начала, хотя это просто слово, но и оно имеет свою чувственную материю, несет чувственную радость».

Именно поэтому есть смысл говорить об эстетике мышления, то есть рассматривать сам феномен мышления, не отделяя его от его «чувственного начала», как это любят делать исследователи рационалисты.

Как утверждал М. Мамардашвили, задавая вопрос «для чего быть добрым?», мы разрушаем феномен добра. Его взгляды указывают на высшую морально-эстетическую истину, что величайшей наградой для человека является осознание, что он поступает правильно.

Такой подход являет нам мышление как пограничный процесс, создающий реальность на границе души и тела. Как выразился сам Мераб Мамардашвили: «Есть все же какая-то тайна, располагающаяся в соединении

души и нашего тела». Декарт в свое время (хотя его часто упрекают в дуализме, которым он якобы разделил мир на две субстанции – мысленную и телесную) предупреждал о возможном существовании третьей субстанции как союза тела и души. «Мысль не властна над этой реальностью, и человек не способен включить в нее какой-либо из головы выдуманный элемент. Если повезет, да, человек может увидеть сцепление подобных обстоятельств в сознании абсолютной ясности. Однако само это сознание как событие в мире не поддается произволу ума».

Тем самым он хочет привести вас к ощущению, что мысль произвольна, она тоже явление, которое мы не можем иметь по своему желанию. Нельзя захотеть и помыслить. Не наш голый рассудок рождает мысль. Мы можем иметь ее лишь как событие, когда в движении завязываются нити того, что случается внезапно. Так же как они завязываются и в случае понимания, которое невозможно передать, если вас уже не понимают. Поэтому «говоримое» нельзя передать никакими логическими средствами общения, так как вы не связаны с собеседником каким-то другим способом, для описания которого приходится применять другие понятия и опираться на иные представления.

Мысль нельзя подумать механически, отмечал М. К. Мамардашвили, она рождается из душевного потрясения. Мысль всегда есть реакция души на неразрешимое противоречие, порыв, несущий нас к спасительному катарсису, к вечному пути, пути от страсти к благодати, от сансары к нирване, от тьмы невежества к свету знания.

Мысленные состояния, это наша тоска по лону, в котором мы как *люди* рождались. Это рождение не есть нечто материальное. Человеческое в человеке не имеет механизма естественного рождения. Сам феномен человеческого, в том числе и мысли, оказывается у нас вне причинно-следственной области, хотя одновременно в ней находится. То есть человек – это существо, которое одновременно сковано причинно-следственной цепью и в то же время находится где-то в другом месте, когда рождаются в нем какие-то человеческие состояния, для которых нет естественного механизма. Философия, или мысль, существует только потому, что мы не рождаемся естественным путем; это и есть необходимый элемент того органа, посредством которого в нас рождается человеческое, хотя определить его невозможно. Оно рождается на каких-то неприродных, немеханических, неавтоматических основаниях, и участником этого рождения есть нечто, что мы называем мыслью. «Я фактически хочу сказать следующее: чтобы начать мыслить, в нас должно происходить нечто,

что не есть в то же время явление природы самой по себе», – пишет грузинский мыслитель [1, с. 61].

Существование вышеупомянутой неуловимой для восприятия пограничной реальности между материальным и духовным миром относит нас к вопросам, связанным с трансцендентальной сферой бытия. «Человеческое существо есть существо трансцензуса. Трансцензус, трансцендирование означает нашу способность выходить за свои собственные пределы. Чтобы посмотреть на себя, нужно трансцендировать, потому что, только трансцендировав себя, можно иметь представление о вещах, их восприятию, что предполагает существо, способное сказать «Я», в отличие от животного, которое не может этого сказать, потому что оно не может представить и выразить представленное. Представление может быть только у существа, повторю еще раз, способного сказать «Я», и, следовательно, способного трансцендировать. А раз так, то и способного тем самым отказаться от самого себя в пользу существования» [1, с. 62]. Но, если мы способны на это, значит, существование нас – это какое-то другое Я. Их, как минимум, уже два Я Одно, которое я знаю, – определенное существо с определенными качествами, а другое – какое-то действительно существующее Я, не тождественное первому. И это второе Я можно увидеть и узнать, только отказавшись от первого, то есть от самих себя. Вот такая ситуация! Я играю теми картами, которые есть: других карт и других слов у нас нет, так что ими приходится оперировать и пытаться высечь в своих головах хоть какую-то искру смысла. Если мы не способны сосредоточиться и увидеть смысл в названном различии, тогда ничего не получится. Хотя словосочетание тавтологическое, бессмысленное, казалось бы, – отказаться от самого себя в пользу своего существования.

Вопрос о способности человека понять себя как субъекта мышления неоднократно обыгрывается М. Мамардашвили в его трудах. Знаменитая метафора о пещере Платона и концепция существа Пуанкаре, использованные автором в своих беседах об «Эстетике мышления», довольно ярко иллюстрируют беспомощность человека осмыслить свою роль в реальности, которую он не способен целиком воспринять в виду ограничений, наложенных на него рамками его собственной сенсорной системой. Выйти за пределы этих рамки человеку может помочь лишь сомнение. Сомнение, пережитое человеком на собственном опыте, сомнение в распространенном в наше время гуманизме и антропоцентризме. Чтобы знать, что такое мышление и сомнение, нужно самому мыслить и сомневаться. Такое сомнение всегда основано на

противоречии, а противоречие в правильной интерпретации ведет, как мы уже выяснили, к истокам мышления, к истокам благодати и просвещения.

Состояние сомнения для человека всегда сопровождается поиском смысла. М. Мамардашвили дает довольно интересное определение смысла: «Смысл – это такое образование, для которого всего мира и всего опыта относительно мира недостаточно, чтобы возник вопрос о смысле. Смысл из содержания самого опыта не производится, не вытекает. Нет в содержании опыта ничего такого, что было бы способно породить вопрос о смысле, так же как в механике глаза нет ничего указывающего на то, что это глаз» [1, с. 54].

Воззрения М. Мамардашвили, на первый взгляд кажущиеся размытыми, при правильном восприятии несут огромную мировоззренческую нагрузку. Восприятие процесса мышления вне прямой зависимости от человеческой воли во многом созвучны с восточноориентированными концепциями, отрицающими соревновательность и деятельностный подход как основополагающие факторы, способствующие развитию мышления. Необихевиористские принципы, лежащие в основе структуры большинства социальных институтов, воспринимающие человеческую душу как производное огромной детерминистической машины, сильно ограничивают пространство для самоактуализации отдельно взятых индивидов. Идеалистические концепции, напротив, видят в духовном мире первичную реалию, определяющую качество бытия раскрывающегося во времени. Критика тонкого редукционизма, порожденного сайентизмом современного мировосприятия, легла в основу интегральных теорий, трактующих реальность с точки зрения различных направлений развития человеческой реальности.

Но в отличие от классиков немецкой философии, к последователям, которой часто относят М. Мамардашвили, течение его мысли выходит за пределы банальной логики порожденной сайентизмом захватившего все сферы познания в начале XX века.

Глубина идей грузинского философа легко познается в сравнении даже с такими великими классиками как М. Хайдеггер, который изучал сущность мышления и творческого акта, пытаясь найти синтаксис в логических цепочках, построенных на основе понятийных отношений.

На наш взгляд, феноменологический подход Хайдеггера отражает только систему психических процессов, структурирующих сам процесс мышления. Мераб Мамардашвили же, взглядываясь в «сверхприродные» сущности, сумел увидеть синтаксис в замкнутых кругах банальной логики, опосредующих существование нашей души.

Библиографический список

1. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М., 2000.
2. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Пер.с немецкого А.В. Михайлова. М., 1993.

Т. А. Логиновских

Философия моды: основные идеи и принципы

Понятие «философия моды» всё увереннее входит в язык описания и демонстрации дизайнерами своих результатов творческого труда. Поэтому необходимо начать с определения «философия моды». На наш взгляд, сущностной основой данного понятия является мировоззренческий аспект, который определяет смысл и содержание предмета исследования; теоретико-методологический аспект, интерпретирующий принципы построения всех этапов дизайна одежды; социокультурный, обосновывающий феномен моды как в духовном, так и историческом плане. Философия моды – это осмысление и понимание моды как целостного процесса, «встроенного» в ткань общественных отношений, социальных связей, коллективных и личностных взаимодействий, общества в целом. Философия моды задает дизайнеру общее представление о природе модного образца, детерминированного объективными условиями существования моды как социального феномена: экономическими, финансовыми, экологическими, политическими, культурными и другими. Философия моды формирует идеологию дизайнера как субъекта познавательной и творчески преобразующей деятельности, объективированной в эстетически оформленных образцах одежды либо других продуктах модного дизайна. Поэтому философия моды помимо мировоззренческого аспекта содержит аксиологическое видение мира моды как ценностного феномена. Аксиологический аспект философии моды онтологически выражен в эстетической функции моды, отражая стиль, вкус, внешнюю форму, поведение субъекта в социальном пространстве, отношение его к другим субъектам и к себе самому. Философия моды акцентирует внимание на субъектных качествах личности как способах самовыражения, самореализации, самоуверенности, самотворчества, что позволяет резюмировать о том, что мода – антропоцентрична по своей сути.

Мы определили предмет философии моды – моды как социокультурного феномена. Мода – многозначное явление, отсюда большое количество дефиниций моды. Понятие «мода» происходит от латинского «modus» (мера, способ, образ, правило, норма); в свою очередь латинский вариант – от